

Стихи Дины Березовской – кристаллы чистой лирики. Печаль и грусть едва прикрыты налётом самоиронии. Движение поэтической мысли и её восприятие обострены непредсказуемым выходом. Исповедальная открытость не защищена, как всегда бывает у лирического поэта, доверяющего своему читателю.

Д. Ч.

ТОТ, КТО МЕНЯ ХРАНИТ

* * *

Не успеешь к ночи – путь не близкий.
Вечер, эмигрант и старожил,
окон пожелтевшие записки
в чёрные конверты разложил.

Где они, твои бродяжки снасти?
Горьким, неразбавленным, любим,
ты хотел туда, где был несчастен,
а застрянешь там, где ты любим.

Дверь наружу, как последний снимок
вечных канителей и морок.
Это ли ещё у нас отнимут:
на ночь глядя, выйти за порог?

* * *

Да разве можно угадать
и незаметно знак подать
тем, кто уходит наспех,
дверь оставляя настежь?

Да как же их предупредить,
тех, кто повадился бродить,

плутать земною кромкой,
где рыхлый снег бахромкой,
где легче лёгкого сглупить
и не туда ногой ступить,
а наледь, словно сито,
до дыр уже размыта,
бумажный край и водоём,
куда однажды соскользнём?

* * *

Где замирает звук любой
от зноя, словно от испуга,
где приусадебной рабой
усердно трудится пичуга,

где в запустении ветвей,
в углу, у самого забора,
запутался воздушный змей
в густой щетине сикомора,

где позабыта, как всегда,
в угоду модному роману,
из шланга праздная вода
течёт неведомо куда,
из-под калитки – к океану,

где я, как суетный щегол,
счастливый заклинаю случай
твоею утренней щекой,
так сикоморово колючей,

там сад, что завтра будет пуст –
но нет прочнее и привычней
ежевечерних этих пут,
прощальных, сладко-ежевичных...

* * *

Тот, кто меня хранит меж грёз и книжных полок,
замри, не торопись, не приближай удар...

Уже в глазах рябит, уже нетрезвый Поллок,
последний холст кропит, неистовый маляр!

Уже настигли нас совсем иного толка
незрелые мазки – несмелые мечты
отринуть навсегда, отсрочить ненадолго
срок чистой бирюзой кропить свои холсты.

Не закругляй строки, не завершай касанья,
адажио тяни, а паузы вдвойне,
вяжи и распускай ажурное вязанье,
где каждый узелок – на память обо мне...

* * *

сквозь ограду солнце
сверк, сверк,
улица плетётся
вверх, вверх
вдоль стены, по склону
и назад
мечутся гекконы,
скользят,
в нервном непокое
сплелись,
дремлют головою
вниз, вниз
чутко укрывают
их сны
тайный лаз в прохладе
стены,
на ту сторону
хоть ползком,
в щёлку глянуть
одним глазком:
там звончей, ловчее
волчка
на годах-качелях
девочка,
ящерка, артистка
на бис
головой повисла
вниз, вниз...

* * *

Если снова тебя доведётся спасать,
то кому мне нижайше прошенья писать,
чтоб не тот, кто нужнее, а тот, кто нежней,
не оставил меня среди ржавых камней?
Этот город, от зноя сошедший с ума –
наш единственный дом у подножья холма,
и пустынного пекла сухое вино –
наш единственный выход в любое окно –
никого не спасали и всё же спасли
от бетонной ячейки в библейской пыли.

Если этот мудрёный чужой алфавит
нам ещё до конца затвердить предстоит,
если все эти ранки придётся лечить,
то нельзя ли гарантий чуток получить:
неразменный пятак, призовую игру,
голубиную почту #пернатые.ру,
можно просто в косую линейку листок,
что корабликом канет потом в водосток,
чтоб разборчивой подпись была и печать –
если снова придётся тебя выручать?

* * *

Всех, кто в сердцах швырнули трубку,
всех, кто остался на плаву,
я, как последнюю уступку,
однажды в гости позову.
И вот тогда настанет срок
для тех, кто мне едва кивнули,
для стопки пластиковых стульев,
что куплены когда-то впрок
пылиться праздно на балконе,
для тщета и бед в одном флаконе –
всех усадить, всех пригласить,
наслушаться застольных бредней,
нажать звонок двери соседней,
и тоже стульев попросить.

Моих гостей цветистый хлам –
тот в стельку пьян тоской и бытом,

а тот с бокалом недопитым
бесцельно бродит по углам –
их снова ускользает взгляд,
а лица полутьма скрывает...
Открой, сосед! Не открывает,
он умер сорок лет назад...

* * *

Вид из окна унылый в три мазка,
где все оттенки пыли и песка,
и треснутая плитка под ногой –
всё служит цели хлипкой и благой,
что на весу удержит нас от бед,
когда рванём оконный шпингалет...
Но сквозь заката патину и медь
нам не дано её уразуметь.

Простить пора ровесников моих,
насмешливо не знающих молитв,
всех нас, которых выбралась лишь треть,
стареющих от страха постареть,
что медлят у закрытого окна
в косом луче последнего огня.
И ты сквозь медь тускнеющего дня,
мой дорогой, прости, прости меня...

* * *

Если жить в одном городе много лет
и носить на помойку ненужный скарб –
всё равно пожитки, судьба, тоска
нарастают кольцами на стволе.

Здесь у каждой лестницы свой сюжет,
у скамейки-сплетницы, чур её,
и на заколоченном этаже
здесь моё безвременное жильё.

Улица к оврагу ползёт ничком,
третий дом с оградой, не на виду,

я всегда входила туда бочком,
недоумевая, зачем иду.

Ничего там не было моего,
кроме отражений в ночном стекле,
просто безобидное воровство
из мешка с подарками на столе.

Там диван с обивкою голубой,
под диваном туфля, что мне мала.
Уносила краденое с собой,
не могла припомнить, зачем взяла.
Как-то проходила там по пути,
а овраг засыпали, дурачье,
что-то вдруг забрезжило впереди,
чьё-то отражение, только чьё?

* * *

Пятнадцать, беспричинно грустно,
поездка в Питер, все дела.
Там все глазели на искусство,
а я смотрелась в зеркала.

Нездешней редкостной работы
дитя, пробор наискосок –
в тисках облезлой позолоты
дворцово-парковых красот.

И старше комнаты янтарной,
уже способный клеветать,
тот взгляд ребячливо-коварный,
врождённый, счастливо-бездарный,
как аппарат вестибулярный,
что позволяет мне летать.

В изъянах амальгамы тесной
ещё один случайный след:
и червотчины, и бездны –
той тонкой девочки небесной
янтарных конопадцать лет.

И в том секрет её печали,
что, ничего не говоря,
она любви не обещает,
но каждым взглядом превращает
её в осколки янтаря...